

Е Хуай стоял перед дверью Цзян Ту. Он раз за разом заносил руку, чтобы постучать, но в самый последний момент нерешительно опускал её. Вся его смелость, весь безумный порыв, заставившие его покинуть постель, бесследно испарились.

Немного помедлив, мальчик осторожно прижал ухо к дверному косяку.

За дверью царило гробовое молчание — ни звука чужого дыхания, ни единого шороха.

"Неужели уснул?"

Отступив на шаг, мальчик с тоской подумал о том, что придётся возвращаться в свою тёмную, пустую комнату. Но потревожить покой Цзян Ту у него не хватило бы духу, будь он хоть трижды храбрецом.

Он уже развернулся, собираясь уныло поплестись обратно, как из-за двери негромко донеслось:

— Входи.

Е Хуай резко замер. Лицо его мгновенно просветлело. Круто развернувшись, он робко приоткрыл створку и заглянул в образовавшуюся щель.

Цзян Ту не спал. Он стоял в глубине полутёмной комнаты, заложив руки за спину, и неторопливо оборачивался к гостю.

Сквозняк, ворвавшийся вслед за Е Хуаем, всколыхнул его густые смоляные волосы — те на мгновение словно слились с бездонной ночной мглой.

Эта картина дышала пугающей, почти потусторонней силой, но была при этом столь прекрасна, что у мальчика захватило дух.

Е Хуай застыл на пороге, чувствуя, как бешено колотится сердце.

В отличие от робеющего мальчишки, Цзян Ту оставался безупречно спокоен. Он знал о каждом шаге своего подопечного с той самой секунды, как тот переступил порог собственной спальни. Сначала он терпеливо ждал стука, однако малец простоял под дверью добрую четверть часа, затем как-то по-шпионски прислонился ухом к косяку и собрался уходить восвояси.

Цзян Ту лишь искренне недоумевал: нужно тому что-то или нет?

Но раз уж парень пришёл, стоило расспросить его, а не отпускать просто так.

На кончиках его пальцев соткался крохотный огонёк духовной силы.

— Что случилось? — спросил он.

Слабое свечение мгновенно разогнало полумрак, озарив комнату мягким сиянием.

Бледное личико Е Хуая тут же залилось пунцовой краской.

— Замок долголетия... — пролепетал он, прижимая ладонь к груди. — Он стал горячим. Я побоялся, что...

Видя, как неумело врёт малец, Цзян Ту из простого приличия протянул руку и коснулся замка долголетия. Металл оказался едва тёплым, а по краям и вовсе успел остыть.

Ни о каком жаре не шло и речи.

Пока Цзян Ту раздумывал, не барахлит ли у этого чудного создания внутреннее восприятие температуры, он уловил его испуганный, смятенный взгляд.

Всё стало предельно ясно.

Мальчишке просто было страшно.

В конце концов, ему ведь всего двенадцать. Только-только вырвался из когтей безжалостных преследователей, пережил столько ужасов подряд... То, что он до сих пор не забился в истерику, не хныкал и не создавал лишних проблем, уже заслуживало глубокого уважения.

А то, что он боится спать один после всего пережитого — сущая мелочь.

Цзян Ту не стал разоблачать ложь.

— Всё в порядке, — мягко произнёс он, убирая руку. — Тебе нечего бояться.

Е Хуай замер. Кончики его ушей вспыхнули так стремительно, что из белых превратились в пунцовые за долю секунды. Его захлестнул жгучий стыд за собственное малодушие.

"Наверняка Цзян Ту уже тысячу раз пожалел, что спас меня. Кому нужна такая бесполезная, трусливая обуза..."

Он не успел мысленно обругать себя сильнее — на его макушку опустилась тяжёлая ладонь.

Е Хуай с изумлением поднял глаза. Цзян Ту с самым бесстрастным лицом ласково взъерошил его волосы.

— Бояться — это естественно, не нужно винить себя. К тому же у старосты ты держался превосходно.

И хотя пальцы мужчины по-прежнему были ледяными, словно у мертвеца, Е Хуай почувствовал, как от макушки до самого сердца разливается волна спасительного тепла.

Никто и никогда в жизни его так не хвалил.

И уж тем более никто не утешал его с такой бережной заботой.

"Пусть у него свои скрытые мотивы. Разве станет хуже от одной секунды тепла? Если я слегка прижмусь к его руке... он ведь не рассердится?"

И, поддавшись порыву, он действительно сделал это.

Цзян Ту удивлённо приподнял бровь, почувствовав слабое, щекочущее прикосновение к своей ладони. Малыш робко потёрся головой о его руку, словно лапастый щенок. «Я сделал что-то такое, из-за чего это маленькое существо решило поластиться?» — озадачился он.

В памяти его невольно всплыл Сяо Хэй — тот трёхглавый чёрный пёс. Стоило им сойтись поближе, как этот сорванец принимался вертеться у его ног, а стоило протянуть руку, тут же доверчиво укладывал на неё морду.

«Выходит, дитя судьбы мало чем отличается от собаки» — мысленно усмехнулся Цзян Ту.

Припомнив, как обычно гладил верного пса, он ещё несколько раз мягко провёл ладонью по волосам мальчика.

— Уже поздно. Ложись спать.

Е Хуай не двинулся с места. Он лишь не мигая смотрел на мужчину своими круглыми, блестящими глазами.

Цзян Ту без труда разгадал этот немой призыв и уступил:

— Ложись здесь. Я побуду рядом.

Цзян Ту не нуждался в отдыхе. Он полулежал, прислонившись к изголовью кровати, а Е Хуай устроился подле него, доверчиво положив голову на его руку вместо подушки.

Мальчишка спал чутко и тревожно. Не прошло и получаса, а он уже перевернулся с боку на бок столько раз, что не хватило бы пальцев обеих рук, чтобы сосчитать.

Мягко, размеренно похлопывая его по спине, Цзян Ту погрузился в размышления, скрупулёзно восстанавливая в памяти все события этой ночи — от жуткой встречи с призрачной свадебной процессией до появления в деревне Множества Благословений.

На первый взгляд, деревня казалась совершенно обычной. И под этой «обычностью» крылось главное: все, кого они здесь встретили, были самыми обыкновенными живыми людьми, лишёнными какого-либо налёта нечисти или злых чар.

Однако он был твёрдо убеждён, что сущность из свадебного паланкина пощадила их и направила именно сюда неспроста. На то была веская причина. Скорее всего, их время просто ещё не пришло.

За окном забрезжил блёклый рассвет, рассекая небо надвое серой полосой. В час, когда сумерки встречаются с зарёй, дыхание преисподней становится особенно ощутимым, а иньская энергия достигает своего пика.

Вдруг за окном, прямо посреди безветренного утра, гроыхнул яростный, оглушительный раскат грома. Молния с треском ударила прямо посреди двора.

Бум!

Е Хуай, спавший поверхностным, чутким сном, мгновенно подскочил на месте. Схватив ртом воздух, он резко вскинул голову. В его диком, затравленном взгляде сквозила ярость зверя, загнанного в угол.

Цзян Ту мельком заметил, как в самой глубине его янтарных зрачков на краткий миг вспыхнули багровые звериные щели. Но не успел он взглядеться, как этот вертикальный разрез бесследно растворился.

Стоило Е Хуаю увидеть перед собой безмятежное лицо Цзян Ту, как безумный страх тут же отступил. Мальчик обмяк, хотя его голова всё ещё шла кругом от отголосков кровавого кошмара, стоявшего перед глазами. Превозмогая дурноту, он упрямо мотнул головой, крепко сжав челюсти и не проронив ни звука.

Цзян Ту ласково коснулся кончиком пальца его межбровья, вливая в тело струйку чистой духовной силы.

Е Хуай ощутил внезапный, спасительный холодок. Навязчивый гул в ушах мгновенно смолк, а тяжесть затёкшего тела сменилась удивительной бодростью и лёгкостью. Он потянулся было навстречу прохладным пальцам, но Цзян Ту уже убрал руку.

Разогнав чужой кошмар мимолетным движением, он полностью переключил внимание на то, что творилось за окном.

Вслед за громом на землю обрушился яростный ливень. Крупные, тяжёлые капли в мгновение ока погасили свечи в праздничных красных фонарях, оставив лишь их блёклые, размытые силуэты безвольно качаться в плотной пелене дождя.

Разряд молнии ударил на удивление точно — совсем рядом с их окном, словно кто-то намеренно пытался вырвать их из объятий сна.

Выждав пару мгновений в тишине, Цзян Ту уловил сквозь ровный гул дождя далёкие взволнованные крики, эхом разлетавшиеся по деревне. Среди прочего шума отчётливо выделялся звук торопливых шагов, направлявшихся к их дому.

Цзян Ту бесшумно поднялся с постели и подошёл к двери. Едва он остановился, в деревянную створку настойчиво постучали. Секунда в секунду.

Он распахнул дверь.

На пороге стоял деревенский староста Ван Афу. Его мутные, блёклые глаза сперва окинули комнату, на мгновение задержавшись на застывшем Е Хуае, и лишь затем уставились на хозяина дома.

— Прошу прощения, что потревожил ваш покой в такую рань, почтенный господин, — заговорил он.

Цзян Ту неуловимым движением сместился, заслоня собой мальчика, и сухо спросил:

— Ничего страшного. Что-то случилось?

Староста сокрушённо закивал головой:

— Да стряслось тут... Хотя, казалось бы, пустяк. Тьфу! Девка эта непутевая, сестрица Ван Цюэцзы, сбежала! А этот олух царя небесного дрых до самого утра, только сейчас спохватился. Теперь вся деревня на уши поднялась, ищем беглянку.

Старик принялся размахивать руками, гневно отдуваясь и причитая:

— Вот скажите мне, милостивый господин, каково? Невеста, называется! Вместо того чтобы дома сидеть да свадьбы ждать, взяла и удрала, тварь неблагодарная! Чистое отродье, только беды на наши головы навлекает!

Заметив, какими грубыми и грязными становятся речи старосты, Цзян Ту покосился на притихшего Е Хуая и ровно прервал старика:

— Дороги размыло ливнем, далеко она уйти не могла. Мы поможем вам в поисках.

Староста обомлел. Этот благородный господин казался таким высокомерным и холодным, а на деле сам вызвался помочь! На его сморщенном лице тут же расплылась угодливая улыбка:

— Ох, благодетель, спасибо вам! Век не забуду! Коли наткнётесь на неё в лесу, вяжите девку этой вот верёвкой и тащите сюда. Главное, чтоб живая была, а там хоть шкуру с неё спустите — плевать!

С этими словами старик сунул в руки Цзян Ту толстую, грязную пеньковую верёвку толщиной в три пальца и торопливо заковылял прочь.

Цзян Ту молча проводил старосту взглядом. Вдруг он почувствовал, как пеньковый канат в его руке слегка натянулся. Обернувшись, он увидел, что Е Хуай побелел как полотно.

Мальчик судорожно сжимал кончик грубой верёвки. В его глазах метался неосознанный страх, который он тщетно пытался скрыть за напускным спокойствием.

— Вы... вы действительно свяжете её, если найдёте? — тихо, с затаённой надеждой спросил он.

Вопрос прозвучал так жалобно и робко, что у Цзян Ту на мгновение сжалось сердце.

«Связать и притащить», «главное — чтоб живая», «делайте что хотите».

Жестокие слова старосты... разве они не были точным отражением того кошмара, через который довелось пройти самому Е Хуаю? Детская душа ранима и чутка. В участи несчастной беглянки Е Хуай, должно быть, увидел собственное горькое прошлое.

Спрятав верёвку в широкий рукав, Цзян Ту уклонился от прямого ответа.

— Идём, — лаконично бросил он.

Е Хуай застыл как вкопанный, его кулаки невольно сжались от бессилия.

Шагнув за порог под косые струи дождя, Цзян Ту обернулся:

— Сначала нужно отыскать её раньше остальных. Только тогда мы сможем решать, как поступить.

Он развернулся и уверенно зашагал в пелену ливня, не дожидаясь ответа.

Позади него Е Хуай медленно разжал кулаки. На его лице проступило облегчение. В один прыжок нагнав наставника, он послушно последовал за ним след в след, стараясь не отставать ни на шаг.

<http://bllate.org/book/19047/1906295>